

створеним світом експліцитно й імпліцитно, опосередковано й безпосередньо. В результаті переходу романних текстів у драматичні можемо виділяти різні рівні їхньої трансформації: драматизація; адаптація; твір, створений на основі іншого; п'єса за мотивами.

Ключові слова: драматичний текст, тексти-трансформи, комунікативна модель, образ автора, драматизація, адаптація, твір, створений на основі іншого, п'єса за мотивами.

Summary. The present article represents the analysis of ways of information transformation as a result of communication in drama text. It concerns uppermost the author's image. The author in a drama text is "I" that represents drama text, organizes dialogues, delivers narration, decides how the fable will develop, concentrates recipients' attention, stops or activates the tenseness, allows to percept reality in accordance with his own poetics. The author demonstrates his power over the created world explicitly and implicitly, directly and indirectly. The author's image as a text constituent is that necessary component for integral understanding and perception of drama text which gives it integrity and completeness. Such diversity of author's representation in drama text makes it possible to establish relation between this element (author's image) and other ones and its function in idea-artistic system of the work. Author's image acts in the text as a subject of speech, i.e. that who shows and describes. The subject of speech in prose differs from subject of speech in drama. In prose the subject of speech is represented by the narrator, personal narrator, storyteller. In drama the author's presence is reproduced in two ways: plot-compositional and verbal.

Besides transformation of author's image into the text subject and different ways of his representation and presence in the text, transformation concerns also the ways of conflict presentation. Conflict can be unchangeable as in primary text, but the ways and methods of its realization may differ greatly. Thus, in drama texts conflict is concentrated in the dialogues as it develops there. Intermediation of such conflict is social environment. Transformation of novel conflict in drama texts-transformers may be achieved in two ways: due to detailing of some plotlines; due to selection, i.e. choice of one particular plotline of the primary text, that is its actualization.

In addition to that the text of the transformer may undergo considerable changes both on the level of the text and on the level of image system of the work.

As a result of novel texts transformation into drama texts it is possible to single out different levels of their transformation: dramatization, adaptation, work created on the basis of another work, play after other motives

Key-words: drama text, texts-transformers, author's image, dramatization, adaptation, work created on the basis of another work, play after other motives.

Отримано: 14.07.2015 р.

УДК 821.161.1-311.4-93:373.5»2001»

Сипаткина М.Т.

«КАЗУС КУКОЦКОГО» ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ КАК ОБРАЗЕЦ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА «НЕРЕШЕННЫХ ВОПРОСОВ» (РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ)

Актуальность работы. По-настоящему талантливое произведение всегда содержит в себе авторский поиск ответов на самые насущные вопросы времени. Рядом с этим – поиск формы, адекватной времени и теме. Все сказанное можно отнести к роману Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого». Подтверждая мнение, напомним, что автору романа была присуждена литературная премия «Смирнов-Букер». Так как в школьных учебниках по литературе данное произведение не комментируется, предлагаем наше небольшое исследование.

Биографическая справка. Людмила Евгеньевна Улицкая родилась в 1943 г. в башкирском городе Давлеканово. Отец – инженер, доктор наук; мать – биохимик. Все члены семьи были склонны к литературному труду. Дед по отцовской линии – автор двух книг: одна по теории музыки, вторая – работа по демографическим проблемам. В годы сталинских репрессий он был арестован, его лагерный срок насчитывал семнадцать лет. Прабабушка по материнской линии писала стихи на идише. Л. Улицкая продолжила семейную традицию, с ранних лет она писала стихи. Некоторые из них вошли в текст романа «Медея и ее дети».

После окончания биологического факультета МГУ Л. Улицкая два года работала в Институте общей генетики, откуда в 1970 г. была уволена за перепечатку «самиздатовской рукописи».

Оставалась безработной на протяжении девяти лет, а с 1979 по 1982 гг. была на должности заведующей литературной части Камерного еврейского музыкального театра, где ей пришлось научиться писать рекламные анонсы-проспекты, заметки, очерки. Это и стало ее «литературной школой».

С 1991 г. в литературной периодике стали появляться первые рассказы Л. Улицкой, но успехом они не пользовались. Годом ее писательского рождения стал 1994. Именно тогда в российском издательстве «Слово» и во французском «Галлимарс» вышел первый сборник ее рассказов «Бедные родственники».

В 1996 г. повесть Л. Улицкой «Сонечка» была удостоена во Франции литературной премии имени Марии Медичи. Следующее произведение – роман «Медея и ее дети» в том же году был отмечен итальянской премией Джузеппе Арцеди. Последовала и большая российская литературная премия «Смирнов-Букер». Она была вручена Л. Улицкой за роман «Казус Кукоцкого». Сегодня очень популярными остаются книги писательницы «Веселые похороны», «Зверь», «Цю-юрих», «Пиковая дама», «Искренне ваш Шурик», «Сквозная линия».

О романе «Казус Кукоцкого» как тематическом целом. Произведение довольно сложно по форме и содержанию, можно считать, что основная черта романа – его тяготение к синтезу. Если так, то в нем будут сочетаться черты уже известных нам произведений исторического, социально-этического, философского планов.

Роман «Казус Кукоцкого» был опубликован в 2001 г. Он претендует на публицистичность, так как достоверное следование фактам просматривается и в диалогах персонажей, и в исторически точных подробностях их жизни. Чтобы сохранить это чувство сиюминутности происходящего, автор использует стиль, очень похожий на стиль журналистский. Все герои существуют в пространстве и времени 1950-х годов, комментируя этот текст, критики отметили, что Л. Улицкой удалось показать «гонения на «буржуазную науку», «сталинскую охоту на врачей-убийц», а также репрессии, направленные на уничтожение честных и трудолюбивых людей. Одновременно «Казус Кукоцкого» – это и роман о профессии – в данном случае о профессии врача-гинеколога, которым выступает главный герой произведения Павел Алексеевич Кукоцкий.

Следуя принципам достоверности, Л. Улицкая часто обращается к историческим экскурсам. Например, в книге существует развернутая родословная главного героя. Начав упоминанием «с конца семнадцатого века все предки П. А. Кукоцкого по мужской линии были медиками», Л. Улицкая рассказывает не только о нем, но и о дворянах, которые учредили в России первые медицинские школы. Если речь заходит о жизни страны, то в романе детально описываются сталинские времена и горбачевская перестройка. Выбор жизненного пути, смысл человеческого существования, свобода, любовь, жизнь и смерть, добро и зло, – это главные составляющие философского содержания этой книги.

Можно утверждать также, что «Казус Кукоцкого» – это новый тип бытописания и даже новая, соответствующая советскому образу жизни семейная сага.

Главный герой произведения. Павел Алексеевич Кукоцкий – личность и глава семьи. Его призванием стала медицина. Об это сказано следующее: «С детства Павлуша испытывал тайный интерес к устройству всего живого». Он незаметно пробирается в отцовский кабинет и с упоением читал медицинскую энциклопедию Платона, собирал и разбирает картонные модели человека. Когда сыну исполнилось десять лет, отец подарил ему «Анатомию» Леонардо да Винчи. «Книга раскрылась перед ним, как будто ярким светом залило глаза. Совершенство рисунка было умножено на невысказанное совершенство изображаемого, будь то рука, нога или рыбовидная трехглавая берцовая мышца», которую Леонардо называл «рыбой».

Павел поступил на Медицинский факультет Московского университета. Учился одержимо. Был принят в аспирантуру. В двадцать один год у него открылся дар видеть состояние внутренних органов. Постепенно выяснилось, «что дар его был аскетом и женоненавистником» – Кукоцкий «был одинок, по нищенским понятиям того времени богат, в своей области знаменит, может, не красавец, но мужествен и вполне привлекателен».

Главной авторской задачей Л. Улицкой можно считать испытание героя «на прочность», на право быть личностью. Для литературы советского периода, растившей коллективистов, а не отдельную личность, такой герой был новым.

В ноябре 1942 г. в небольшом сибирском городке, куда была эвакуирована клиника Кукоцкого, Павел встретил молодую женщину. Он оперировал ее и спас ей жизнь. И она стала той «первой и единственной женщиной в его жизни, которая не отгоняла его дара». Писательница симпатизирует своему герою. Она подчеркивает, что Кукоцкий обладал важнейшим качеством ученого – умением задавать себе насущные вопросы, которые требовали незамедлительного ответа. Он внимательно следил за современными исследованиями в области физиологии и не уставал поражаться, как из эмбриона «вырастает человеческое существо, полуметровое, орущее, трехки-

лограммовое, совершенно бессмысленное, а из него, повинуюсь все тому же закону, развивается гений, подонок, красавица, преступник или святой». Читая книги по медицине и ее истории, он навсегда запомнил текст письма вавилонского жреца и врача Бероса о богине плаценты Ламассу.

Кукоцкий часто думал о детях, о своем поколении, о том, что современники почти все унижены и живут в постоянном страхе. Елена, например, боялась признаться, что ее родители погибли в лагерях; его помощница Валентина Ивановна боялась наказания за то, что она происходила из купеческой семьи. В душе Кукоцкого не было страха – этот страх перебивала жажда деятельности.

Павел Алексеевич был гинекологом, и он должен был помогать детям рождаться, а не погибать. Но в разоренной послевоенной стране боялись рожать детей – потому что голодно, и калек больше, чем здоровых мужчин. Очень часто женщины прерывали беременность, обращаясь к различного рода «бабкам». Смертность среди таких женщин была ужасающей, и доктор Кукоцкий принимал эту ситуацию близко к сердцу. Когда в министерстве здравоохранения ему все-таки предложили разработать проект по проблемам материнства и детства, он, опережая время, предложил ввести разумные льготы для тех, кто решился иметь детей.

Проект Кукоцкого предусматривал еще и организацию школ и консультаций для родителей, просветительскую работу среди молодежи и создание детских садов-санаториев. Более того, несмотря на преследования, которым подвергались генетики, он предлагал проводить медико-генетические консультации.

Каждую неделю Павел Алексеевич ходил в Министерство и узнавал о судьбе своего проекта, но его тормозили. Потратив больше года на переговоры, он написал о своих мытарствах в ЦК. Все напрасно – «маленький человек с отечным лицом, вылепленным из сухого мыла» отказал ему.

Как настоящий профессионал, даже в самые трудные для страны годы Кукоцкий вел научную работу. Он искал способы излечения женского бесплодия, занимался проблемами рака. Работы были серьезными, и он удостоился звания академика. Но в 1949 году начались новые гонения, которые потом назовут «лысенковщиной». Ему было приказано публично поддержать псевдонаучные открытия «народного академика Лысенко». Поддержать он не мог, а выступить «против» не решился – страх поколения, уже знавшего о ГУЛАГе, догнал и его.

Он просто сделал вид, что запил. Две недели не приходил в клинику, а в Академии не появлялся четыре месяца. Добился одного – «в Академии от него отвязались...» Но это было только началом испытаний – в январе 1953 г. в газетах появились статьи о врачах-убийцах. Среди якобы «убийц» назывались имена друзей Павла Алексеевича. И он ушел в запой настоящий. Теперь он был хмур, молчалив, к телефону не подходил. Впервые в жизни он задумался о самоубийстве. «История Рима» Моммзена постоянно лежала на его столе. В Риме самоубийство почиталось не грехом, а мужественным шагом, и этот шаг предполагал сохранение чести и достоинства.

Смерть Сталина отодвинула самоубийство. Проект Кукоцкого был рассмотрен и утвержден. И Павел Алексеевич поверил: в послевоенном его государстве будут оберегать ребенка и растить настоящих людей, каждый из которых станет личностью. В своих мечтах он обращался к опыту Православия и литературной классике – там не было «лишних людей», там были только нужные стране люди. В этом и был *просчет доктора Кукоцкого, его «казус»* – он не понял, что, даже осуждая сталинизм, страна еще не готова воспитывать гордых и свободных людей, а не «человека массы».

В личной жизни Павел Алексеевич глубоко несчастен. Он любит жену Елену, но вдруг оскорбляет ее словами о ее женской неполноценности. Удочерил Таню, «принял ее на сердце», но не сумел ей помочь в самую страшную минуту – Таня умерла при рождении ребенка. Выход? Не найдя его, Кукоцкий «все неурядицы запивал водкой». Он еще работал, преподавал и оперировал, но от него ушло «острое наслаждение» жизнью. Он съезжился, похудел, плечи обвисли, лоб и щеки «пошли глубокими бороздами». В общем, он не смог совершить всего того, к чему стремился. И в этом, считает Л. Улицкая, большая трагедия по-настоящему большого человека и ученого.

Другие персонажи. *Илья Гольдберг*, еврейский Дон Кихот, романтик, мечтающий об официальном признании генетики. Это ученый-борец. Этим персонажем Л. Улицкая продолжает разрабатывать тему сильного характера, который помогает человеку выстоять в любых обстоятельствах.

Гольдберг противопоставлен доктору Кукоцкому. В тяжелом для европейской науки 1932 году он не побоялся заявить о положительном опыте Альберта Эйнштейна, о важности его теории относительности. Потом написал еще письмо на имя члена Военного Совета о мародерстве во время войны. Он осмелился выступить против Лысенко. За это был арестован и отбыл в лагерях три срока. Но ему повезло, и он выжил. После окончания войны Гольдберг работал в библиотеке Иностранной литературы. Он перечитал сотни книг не только по-русски, но и на английском, немецком, польском языках и на латыни.

Как ученый-генетик, Гольдберг задумался над тем, как провести границу между просто хорошими способностями, их вариантом блестящими способностями и гениальностью. Стал изучать жизнь гениев. «Сети свои разбросил так широко, что туда попали и золотой век Афин, и итальянское Возрождение, и дворянский период русской литературы». Хотел найти признак-маркер, по которому определялась степень способностей. Нашел и обосновал – это наследственный ген. Во времена разгула «лысенковщины» его спас старый психиатр Шубников, дав заключение о якобы существующей у Гольдберга шизофрении.

После смерти Сталина Илья Иосифович вступил в счастливую полосу своей жизни. В начале 60-х гг. ему предоставили лабораторию, за монографию о природе гениальности была присуждена степень доктора биологических наук. А еще в него влюбилась аспирантка Валентина Грызкина. А он сумел ответить ей взаимностью.

В конце концов, Гольдберг сделал вывод, что советский народ вырождается и что этому способствует неумелая политика первых лиц государства. Он пишет «Очерки по геноэтнографии» и передает рукопись заезжему американскому ученому. За это снова пришлось расплатиться тюремным сроком. Разочарованный, Гольдберг эмигрирует вместе с Валентиной. У них двое детей и работа в Гарвардском университете. Он читает Торуи в свои 86 лет начинает учить иврит.

Елена, жена Кукоцкого. Она «испытывается» одиночеством. Л. Улицкая подчеркивает: Елена – неординарная личность. Коллективистка, воспитывалась в толстовской общине, здесь же получила начальное образование. Потом уехала учиться в Москву. Жила у бабушки, Евгении Федоровны, которая ее удочерила. В опасном и чуждом мире большого города ей было одиноко. Стала чертежницей. В семнадцать лет вышла замуж за учителя черчения Антона Ивановича Флотова. У них родилась дочь Таня. Антон ушел на фронт, и вскоре погиб.

Елена любила свою работу. Никогда не жалела о выборе профессии. «Нравилось ей ... все: специальный стол с подсветкой, кульман и разные сорта бумаги, с которой приходилось работать». Ей даже казалось, что все на свете можно представить в трех проекциях – анфас, профиль, вид сверху. Ей даже снились «чертежные сны».

Елена любила Павла Алексеевича. Считала, что человека умней, благородней и добрей не встретишь. Но когда Кукоцкий упрекнул ее в бесплодии, она замкнулась. От одиночества стала записывать свои мысли и переживания в дневник. Именно одиночество и привело ее к безумию.

Вторая часть романа посвящена ее видениям. И именно эта часть произведения награждает читателя уже не публицистикой Л. Улицкой, а ее лирикой, связанной с переживаниями героини. Например, этим: «Все стороны горизонта были затянуты дымкой, и никаких признаков светил не было. Песок медленно перекачивался с места на место, тек, как сухая вода...» В этом запредельном мире она встречает своих прежних знакомых, но в иных образах. Это Иудей (Гольдберг), Бриоголовый (Кукоцкий), Новенькая (Елена), Матушка (Игуменя), Всадник (Антон). Бриоголовый оказался активным и деятельным – таким, каким не смог стать в земной жизни. Это он привел всех к реке и помог переправиться на «тот» берег. Именно здесь произошла «настоящая» встреча Елены с мужем, который произнес долгожданные слова. «Душа моей души, – шепнул он в мокрые завитки над ее ухом ... Там, где кожа соприкасалась, она плавилась от счастья».

Таня, дочь Павла Алексеевича и Елены. Как всегда испытывая своих героев «на прочность», Л. Улицкая «проверяет» Таню ложно понятой свободой. Эта девочка, а потом девушка во всех делах и начинаниях была первой. Ее любили в школе, к ней все хорошо относились, но это не мешало ей чувствовать себя одинокой. В лаборатории профессора Гансовского Татьяна вдруг поняла, что ей все равно, над кем производить опыты – над мертвыми или над живыми. Она бросила эту работу, не вернулась и в университет. Отец не принял ее поступка, и она ушла из дому. Результат – она узнала богему и абсолютную свободу нравов.

Ее приютила ювелир Вика-Коза и научила своему делу, которое Тане понравилось. Пришла к ней и любовь – она встретила саксофониста Сергея Зворыкина. Вместе жили в Ленинграде, «Тана была полна счастьем и силой». Она ждала ребенка, но умерла в родах. Логичным было бы обвинить в этом только нерадивых врачей, но, как оказалось, Л. Улицкой важна еще мысль и о том, что в случившемся виновата сама Таня – к своему положению будущей матери она относилась непозволительно равнодушно. Таким образом, размышляя о свободе и вольнице, Л. Улицкая предупреждает: вольница не знает ограничений, но тем она и смертельно опасна.

О стилевых особенностях романа. Как уже отмечалось, это произведение сложно сочетает в себе публицистику и художественный вымысел. Часто используются средства сатирического повествования, но предпочтение отдается иронии.

Особенно интересен лексический пласт романа. Начнем с ономастологических именованных. Можно утверждать, что Л. Улицкой свойственно обостренное чувство имени, поэтому имя собственное у нее становится важным средством характеристики. Это касается как собственных

имен, так и названий астрономических объектов, а также номинаций персонажей прецедентных текстов.

В романе «Казус Кукоцкого» мы встречаем имена поэтов: Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Александра Пушкина, Эдуарда Багрицкого, Маргариты Алигер, Веры Инбер; писателей: Николая Чернышевского, Томаса Манна, Льва Толстого, Александра Фадеева, Уильяма Шекспира, Исаака Бабеля, Валентина Катаева, Михаила Шолохова. Ее герои обращаются к имени и трудам Цицерона, не могут существовать вне музыки Мендельсона, Баха, Бетховена, Чайковского. Они восхищаются живописью да Винчи и менее известного авангардиста Матюшина.

Встречаются также имена исторических лиц, героев революции и войны. Это: Петр I, Бонапарт, Сталин, Ленин, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Зоя Космодемьянская. Персонажи романа обращаются к именам реально существовавших людей, таких, как знаменитые врачи Пирогов, Боткин, Завадовский, Вавилов, Менделеев, Склифосовский, Соколов и др.

Описывая происхождение Кукоцкого и его детство, Л. Улицкая использует научные сведения и фамилии реально существовавших ученых-медиков. Например, профессора анатомии Рюйшу, у которого российский император Петр I слушал лекции по анатомии; доктора Иоханна Эразмуса из Страсбурга – первого европейца, читавшего в России лекции. В романе присутствуют собственно авторизованные названия. Например, фамилия Кукоцкого создана автором с ориентацией на местность Кукуй – так в 17 веке называли немецкую Слободу в Москве.

Л. Улицкая для характеристики внутреннего мира персонажей часто использует теонимы и мифонимы. Например, теонимы Господь Бог, Иисус Христос, Пречистая Дева, Пресвятая Богородица отражают состояние души Василисы. Об этом сказано следующее: «Мир Василисы был прост: на небе Господь Бог, Пресвятая Богородица со ангелами, со всеми святыми, и с матушкой игуменьей посреди».

В «Казусе Кукоцкого» хорошо представлены и хремотонимы. Они часто превращаются в художественную деталь, связывающую роман Л. Улицкой с уже известными текстами. Так, хремотоним «записки сумасшедшего» стал названием личного Дневника Елены, и уже это название отражает ее внутреннее состояние в момент болезни: «Кому и зачем я пишу эти «Записки сумасшедшего»?»

Многие персонажи Л. Улицкой носят говорящие имена-фамилии: Голоухин, Сапожников, Куренной, Козлов, Грызкина: «Аспирантка из Новосибирска, Валентина Моисеевна Грызкина, девушка спортивного типа, влюбилась в своего научного руководителя с целеустремленностью нападающей баскетболистки».

Роман «Казус Кукоцкого» очень популярен в России, он экранизирован и оформлен иллюстрациями талантливого художника. Эта книга может и, наверное, должна войти в обиход старшеклассников. Во-первых, потому что в ней достоверно и одновременно художественно представлена историческая эпоха, о которой нельзя забывать. Во-вторых, спокойно и без ложного пафоса говорится о служении профессии и людям. И в-третьих, роман, в котором бережно и культурно говорится о деторождении и ценности человеческой жизни, не может повредить морально-этическому воспитанию учащихся.

Анотація. У статті запропонований літературознавчий коментар до відомого роману Людмили Улицької «Казус Кукоцького». На думку вчителя, роман може бути запропонований для прочитання у старших класах школи або для обговорення на факультативних заняттях.

Ключові слова: роман про професію, наука, генетика, гінекологія, професор, академія.

Summary. *The novel “Kukotskiy’s case” by Ludmila Ulitskaya is a famous contemporary work. It is dedicated to the people, who lived and dreamt of being a scientist in a Soviet country. That’s why in the foreground of the work there are the problems of free choice of one’s way, opportunities and restrictions of scientific activities, as well as issues of resilience, character formation and dedication to one’s profession. Since we are speaking about the totalitarian regime of Stalin’s time, these problems have to be stated.*

An important feature of the work is the narration about the work of a scientist and a gynecologist. For high school students, the teacher presumes, this conversation is necessary, as the youths’ culture of communication on this subject is still very low. It should be pointed out, that in the novel, on good aesthetic level, the questions of procreation and adult’s responsibility for the little person’s life are discussed: the life of newborn as well as unborn. It can be stated that the material of the novel teaches morality in matters of intimate relationships.

The “slice” of Soviet society is presented accurately. Images of Paul Kukotsky, Ilya Goldberg, Elena, Valentina, Tatiana reflect “stratum” thinking of Soviet citizens. Besides these people characters

are diverse and do not repeat each other. They give grounds to speak about the psychological skill of the author, and the writer's ability to convey the character's individual world.

The novel is interesting also as an artistic work. It combines the features of journalism and fiction. Newspaper style here tends to be accurate and laconic. The lyrical component helps to understand the inner world of the characters: their emotions, hobbies, evaluation of the world and themselves. Undoubtedly, all the above said defines Ludmila Ulitskaya's book "Kukotskiy's case" as an outstanding and contemporary work.

Keywords: profession novel, science, genetics, gynecology, professor, Academy.

Отримано: 21.07.2015 р.

УДК 811.161.2'42

Сірант А.М.

КОНЦЕПТ СЛОВО У КОНТЕКСТІ МОВНОГО ВИРАЖЕННЯ КОНЦЕПТІВ ГРІХ ТА СПОКУТА У МОВІ ХУДОЖНЬОЇ ПРОЗИ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ ХХ СТ.

Людина мислить, діє, відчуває так, як це прийнятно для нації, до якої вона належить. Вона бачить світ через призму менталітету свого народу, в традиційних образах своєї культури. Вплив національно-культурного компонента на мовленнєву діяльність проявляється не лише у безпосередньому використанні етнічно орієнтованих слів і виразів, а й у способах і засобах слововживання. Національний характер, національний світогляд актуалізовані у мовних категоріях, які відображають мовну ментальність, і, навпаки, ментальний досвід передається народом із покоління у покоління, тим чи тим способом розкриває сутнісні риси національного характеру. На думку В. Карасика, „...якщо раніше вчених цікавило переважно те, як влаштована мова сама по собі, то тепер на перший план вийшли питання про те, як мова пов'язана зі світом людини, якою мірою людина залежить від мови, яким чином ситуація спілкування визначає вибір мовних засобів” [10, с. 5].

Художня мова – це особливий спосіб вираження мислення, створення мовної картини світу. Мовну картину світу розуміємо як відображення в мові концептуальної картини світу та як сукупність мовних засобів вираження знань про неї. Одним із засобів відтворення мовної картини світу є мова художньої прози.

Проза другої половини ХХ століття – це злиття витоків національного світосприйняття у радянську епоху з лінгвостетичними пошуками письменників цього періоду, у мовотворчості яких вербалізуються ключові концепти української ментальності. Глибинний духовний зміст художніх творів другої половини ХХ ст. виявляється у вербалізованих концептах ГРІХ та СПОКУТА, які ми розглядаємо як релігійно-марковані художні концепти, що характеризуються двоплановістю, оскільки відбивають світський і релігійний типи світогляду, а отже належать до сфер сакрального та профанного. Це й зумовило актуальність нашого дослідження. Метою дослідження є встановлення взаємозв'язків між концептами ГРІХ, СПОКУТА та СЛОВО, вербалізованими у мові художньої прози другої половини ХХ ст.

Мета зумовила постановку таких завдань: 1) здійснити огляд наукових праць, присвячених означеній проблемі; 2) проаналізувати мікроконтексти, у яких вербалізовані концепти ГРІХ, СПОКУТА та СЛОВО.

Поняття гріха та спокути є невід'ємними складниками етнокультурного світу людини. Смісловий потенціал цих понять інтерпретують у межах уявлень та знань носіїв мови та позиціонують як етнокультурну репрезентацію. „Концепт є вираженням етнічної специфіки мислення, і його вербалізація обумовлена лінгвокогнітивно етнокультурно маркованою асоціативною компетенцією носія концептуальної системи” [14, 144].

У лінгвістичній науці проблема мовного відображення задекларованих концептів була предметом зацікавлення А. Вежбицької, І. Брилевої, Л. Панової, Н. Козіної, Т. Радзівської, О. Якушкіної, С. Толстої, О. Ваховської, М. Бушакової, О. Семухіної, В. Кононенка.

ГРІХ як релігійний концепт розглядає Л. Панова [13]. Дослідниця стверджує, що до вивчення та опису лексики, яка репрезентує релігійні концепти, є два підходи. Перший підхід ґрунтується на визначенні гріха як „порушення моральних норм у вірян”. Л. Панова звертає увагу на те, що в цій та у подібних дефініціях додатково до компонента „порушення” (який може бути представлений як прямо, так і приховано) містяться характеристики та оцінки, які відповідають право-